

КОНЦЕПЦИЯ АБСТРАКЦИОНИЗМА В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АНТОНИО МЕНЕГЕТТИ

Антонио Менегетти – современный итальянский ученый, психолог и художник – создал оригинальную эстетическую теорию, центральное место в которой занимает концепция абстракционизма. Суть абстрактного искусства Менегетти определяет как стремление от видимого к подлинному через устранение всех социально-исторических ориентиров и конвенций. Абстрактное – это искусство-в-себе, которое стремится пройти сквозь оболочки формы и обращается к эстетическому проекту бытия как такового, к чистой субъективности [4. С. 172]. Благодаря этому художник не ограничен стереотипами своей эпохи. Он может говорить на универсальном языке всечеловечности, обращаться к самой высокой метафизике за границами физически воспринимаемого образа.

По Менегетти, абстракция меняет статус произведения искусства – оно служит «психическим переходом» за собственные границы, ведет «по ту сторону» знака. Становится возможным восприятие, которое трансцендирует физические чувства, поднимая их до интуитивной «умной чувствительности» или априорного видения.

Менегетти сравнивает восприятие абстракции и фигуративного образа. Последний является семантической единицей мимезиса, который отражает реальность в качестве ставшего сущего. Однако наблюдаемому миру вещей предшествует мир психических причин – Ум, который его проектирует и творит. «По ту сторону знаков нас тянет к постижению причины, порождающей формы...» [4. С. 105]. Познавать психические проекты становящегося сущего позволяет априорное видение, достижение которого является этической задачей. Восприятие ставшего сущего, как правило, уже искажено рассудком и социальными стереотипами. Видение причин в этом смысле обладает преимуществом чистоты, и, что особенно важно, это видение не может воплотиться в законченном и однозначном образе. Априорное видение отражает акт, становление, интенциональность и потому стремится к нефигуративному воплощению. Абстрактный

образ отличается от фигуративного прежде всего своей направленностью на действие, а не на статичную форму.

Развиваясь, сознание приходит к интуиции как видению априорных форм и может «наслаждаться феноменом в его первичном образовании»... [4. С. 108] Усвоить такое видение можно благодаря метанойе (очищению сознания) и этике самосозидания, «через приучение себя к постоянству акта»... [4. С. 109] «Таким путем субъекту удастся овладеть предвосхищением, априори, опережением» [4. С. 105]. Фигуративные образы прочитываются на основе культурных кодов, зафиксированных в памяти. Зритель не столько воспринимает, сколько узнаёт предметы, основываясь на прошлом опыте. Сознание упускает настоящий момент, поскольку распознается только то, что уже знакомо. Живого контакта не происходит, так как по отношению к акту сознание остается всегда лишь воспоминанием.

Всякая фигуративность, по Менегетти, относительна. Она узнаваема, приятна, характерна, как отмечал ещё Аристотель, но одновременно она фиксирует реципиента в определенных рамках. Проблема отчуждающей роли языка и символического как такового исследовалась структурализмом и постструктурализмом. В частности, Лакан считает символическое как социальную данность той силой, которая доминирует и над реальным, и над воображаемым [2. С. 531]. Согласно Лакану, «...человек с рождения и до смерти находится в символической цепи, образовавшей человеческий род еще до того, как началась его история» [1]. Можно предположить, что одной из задач абстракционизма в интерпретации Менегетти является преодоление ограниченности субъекта той символической «цепью», о которой говорит Лакан. Восприятие должно стать не обращением к «готовому словарю», а живым самодвижением психики.

Выражение духовного начала средствами визуального искусства проблематизируется вопросом Лиотара – возможно ли «представление непредставимого» [3]. Менегетти создает свою концепцию духовного искусства «без образа». Идея преодоления образа в пользу духовного начала, или чистого акта, имеет большое научное значение. Цель состоит в том, чтобы описать художественное сознание как акт, а не как отражение. Менегетти предпринимает попытку описать априорное сознание, тождественное бытию, ставшее действующей интуицией. Автор опирается на потребность выйти «по ту сторону всех знаков и форм»: «Однажды

усвоив все знаки, мы должны их превзойти» [4. С. 180]. Чистое искусство можно увидеть лишь непосредственно, в отношениях ума с умом, души с душой. Оно открывается тем, кто уже прошел путь становления и может общаться исключительно на уровне интуиции, без посредничества миметических подоби́й. «Душе неведомы образы, проекции, понятия... Она знает лишь реальность, постигая ее из собственного внутреннего действия» [5. С. 135].

Слишком реалистичный знак отчуждает от души, закрепощая в границах материальности. Духовное искусство стремится схватить жизненный порыв, не умирая в фиксированности символа. Дух проявляется как трансцендентный «прохожий», которого нельзя остановить и пригвоздить к холсту, но можно уловить в акте интуиции [4, 227]. К смыслу картины ведет не воспоминание, но практическое знание творческого действия, протекающего за изображением [4. С. 177].

В связи с этим изменяются роли «художник» – «зритель». В абстракции зритель должен сам создать гештальт смысла, синтезировать гармонию внутри себя. Роль художника состоит в совершении жеста, который создает структуру потенциалов трансцендентного горизонта. Но затем способность проинтуировать его действие принадлежит зрителю. Отсюда вытекает важная эстетическая идея, что порядок содержится не в объектах, а в психике.

Немаловажно для автора и то, что через абстракционизм можно обучаться интуиции. Здесь осваивается интроспекция – способность «видеть изнутри», что открывает доступ в мир интенциональности, где закладываются причины материальных следствий. Реципиент входит в контакт с априорной причинностью, относительно которой фигура вторична. Абстрактный эстетический знак – это не обозначение вещи, а чистая представленность интуиции. Поэтому абстракция позволяет уйти от многих стереотипных форм, которые человек несет в себе [4. С. 175]. Для этого нужна особая организация эстетического знака. Художник должен стремиться не к самовыражению в узком смысле, а к созданию возможного опосредования к бытию для других, чтобы через произведение каждый мог идентифицировать собственную ценность. Для этого необходимо создать открытые возможности, незаполненные промежутки, которым сам зритель придаст свою неповторимость.

Концепция искусства «без образа», которую предлагает Менегетти, вносит новый вклад в эстетику по сравнению с подобными концепциями в апофатическом богословии, в исихастском святоотеческом наследии, в индуизме и буддизме, в трудах интуитивистов А. Бергсона и Б. Кроче, а также в трудах основоположников абстракционизма К. Малевича, В. Кандинского, П. Мондриана. Новизна подхода Менегетти состоит в проработке эстетического сознания средствами психологии и введении понятия «априорного образа» как продукта интуитивного познания. Априорное сознание, или интуиция, находится на границе между душой и рациональным сознанием. Душа (*in-se*) – это бессознательное, где дан только акт, а отражение и его продукт (образ) полностью отсутствуют. Рациональное сознание – это монитор отражения, уже опосредованный готовыми культурными конструктами и утерявший контакт с внутренним актом. Здесь добавлен социальный код, который программирует порядок формализации образа в психике индивида и не позволяет адекватно выразить интуитивные содержания. Между душой и рацией Менегетти вводит промежуточную инстанцию – сознание априорного Я. Его продукт – априорный образ – отличается от бессознательного *in-se*, с одной стороны, и от рационального сознания, с другой. Как продукт интуиции, априорный образ сочетает в себе и сам акт, и первичное отражение акта, еще свободное от работы рации. Такая структура априорного образа (сочетание акта и его лишь интуитивно угадываемого, а не жестко структурированного, отражения) позволяет преодолеть апорию Лиотара о «представлении непредставимого». Абстрактный язык позволяет выразить смысл до его рационального структурирования. Делая вывод, можно сказать, что специфика абстракционистского языка в концепции Менегетти – это такая организация работы психики и изображения, которая позволяет сохранить действенность духовного акта в художественном знаке.

Примечания

1. Баранд Р., Баранд И. Психоанализ во Франции. / Журнал практической психологии и психоанализа. N4, 2000. <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20000407>
2. Горных А., Лакан Ж. / Большая философская энциклопедия. М., 2001.
3. Лиотар Ж. Состояние постмодерна. М., 1998.

4. Менегетти А. ОнтоАрт. Ин-се искусства. М., 2010.
5. Менегетти А. Тезаурус. М., 2007.

П. Г. Сизов
УрГУ им. А. М. Горького

НАСАЖДЕНИЕ ПОЗИТИВИСТСКОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Многие исследователи социальной реальности отмечают её подвижность, которая с каждым годом всё нарастает. Я хочу обратить ваше внимание именно на это движение и на способы его описания. Мне видится, что если и можно представить в реальности социальной гармонию, то в нынешней ситуации, гармония эта нарушается. При том, процессы, нарушающие социальное равновесие, являются не следствием естественного течения дел, но насаждением властных структур нашей страны.

Начать следует с предварительной теоретической работы, которая позволит увидеть суть поставленной проблемы. Я отсылаю к работе А. Шуца [1], в которой он проводит различие методов для описания социальной реальности. Из этого труда нам следует отметить принципиальное отличие социальных и естественных природных явлений. Принципиальное их различие диктует нам и разные методы их рассмотрения. В этом свете мы можем представить социальную реальность с субъективной точки зрения. При этом будут учитываться смыслы, мотивы, отношение к происходящему самих участников социального процесса. Объективное виденье, которое Шуц представляет на примере позитивизма и его высшего проявления бихевиоризма, показывает только видимые действия, наблюдаемое, считая его достоверным благодаря верификации.

С одной стороны речь идет о методологии и различии методов, выбирать которые нам следует исходя из наших исследовательских целей и изучаемых феноменов. Но с другой стороны, эти методы должны показывать структуру социальности «как таковой». Употребляя столь смелое выражение, я обращаюсь к работе Ж. Бодрийяра «Соблазн» [2]. Где показывается, как соблазн изживается, вытесняется из социальной реальности, а на смену ему приходит порнография. Это показательный пример, поскольку здесь